

Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi
Atatürk University Journal of Faculty of Letters
Sayı / Number 66, Haziran/ June 2021, 158-170

**ЧЕЛОВЕК И ЖИЗНЬ БЕСКОНЕЧНАЯ В РАССКАЗАХ “СОСНЫ” И
“ПОЕЗДКА В ПОЛЕСЬЕ”: БУНИН И ТУРГЕНЕВ**

**“Çam Ağaçları” ve “Polesiye’ye Bir Gezi” Hikayelerinde İnsan ve Sonsuz
Yaşam: Bunin ve Turgenyev**

**The Man And The Endless Life in The Stories of The “Pine” and “A Trip to
The Polesye”: Bunin And Turgenyev**

(Makale Geliş Tarihi: 04.09.2020/ Kabul Tarihi: 20.01.2021)

Salavat AIUPOV*

Аннотация

Сопоставительный анализ указанных произведений позволил выявить механизм преобразования тургеневской традиции посредством устранения в ней чуждых для Бунина стилевых и мировоззренческих элементов. Отталкиваясь от “Поездки в Полесье” при создании “Сосен”, Бунин изменяет в них соотношение человека и природы: бунинский герой-рассказчик (в отличие от тургеневского) принимает всё в первоначальном бытии, оценивает его исключительно позитивно. Принципиальная разница между писателями в изображении указанной темы связана с тем, что личность в контексте природы возвышена Тургеньевым, а в творчестве Бунина представлена как один из ее бесчисленных элементов. Особенно ощутима разница между писателями в освещении темы человек и природа, когда они касаются смерти. Анализ рассказа «Довольно» и миниатюры “Природа (Сон)” Тургеньева позволил обнаружить преемственную связь между поздним

* Prof. Dr., Atatürk Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Erzurum / TÜRKİYE. Prof., Atatürk University, Faculty of Letters, Department of Russian Language and Literature, Erzurum / TURKEY. E-mail: s.aiupov@atauni.edu.tr, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4247-6328>

Тургеневым и бунинскими “Соснами”, а также дотянуть нити тургеневской традиции до рассказа “Сны Чанга”.

Ключевые слова: Бунин, Тургенев, человек и природа, “Сосны”, “Поездка в Полесье”

Öz

Çalışmada belirtilen karşılaştırmalı eser analizleri, Bunin’e yabancı olan üslup unsurunu (aynı zamanda ideolojiyi) ortadan kaldırarak, Turgenev geleceğinin dönüşüm mekanizmasının belirlenmesini mümkün kılmıştır. Bunin, “Çamlar” adlı eserini oluştururken “Polesiye’ye Bir Gezi”den başlayarak insan ve doğa arasındaki ilişkiyi değiştirmiştir. Bunin’in kahramanı (hikaye anlatıcısı) Turgenev’in kahramanının aksine, her şeyi öz varoluşta kabul eder ve onu son derece olumlu değerlendirir. “Doğa” (Rüya) minyatürünün kullanımını Son Dönemin Turgenev’i ile Bunin’in “Çam Ağaçları” arasındaki ardışık bağlantının keşfedilmesinin yanı sıra, Turgenev’e ait özelliklerin “Chang’ın Rüyalari” hikayesine uzanmasını mümkün kılmıştır.

Anahtar Kelimeler: Bunin, Turgenev, İnsan ve Doğa, “Çam Ağaçları”, “Polesiye’ye Bir Gezi”.

Abstract

A comparative analysis of these works made it possible to identify the mechanism of transformation of the Turgenev tradition by eliminating in it a stylistic (and, at the same time, ideological) element that was alien to Bunin. Starting from "A Trip to Polesie" when creating "Pines", Bunin changes the ratio of man and nature in them: Bunin's hero-storyteller (unlike Turgenev's) accepts everything in primordial life, evaluates it extremely positively. The attraction of the miniature "Nature (Dream)" made it possible to discover a successive connection between the "late Turgenev" and the Bunin "Pines", as well as to hold on to the Turgenev threads to the story "Chang's Dreams".

Keywords: Bunin, Turgenev, Man and Nature, "Pines", "A trip to Polesie".

Введение / Giriş

Тема Бунин и Тургенев – одна из самых популярных в литературоведении, не теряет она своей актуальности и в настоящее время. В монографии “Иван Бунин: 1870-1953” Ю.В. Мальцев отмечает поразительное сходство бунинских рассказов “Сосны”, “Новая дорога” и “Руда” с “Поездкой в Полесье” Тургенева: *“та же растерянность и то же удивление перед*

загадкой непроницаемой природы, перед ее грозным величием, перед инстинктивной мудростью лесных жителей, и то же, окрашенное мистикой, чувство восхищения и страха” (Мальцев, 1994/1: 83). Анализ тургеневской составляющей в этих рассказах не входил в намерения ученого: неслучайно сказанное является примечанием в его книге о Бунине. Вместе с тем позволим себе не согласиться с мнением Ю.В. Мальцева.

Гипотеза статьи: в освещении темы человек и природа в рассказе Тургенева “Поездка в Полесье» и рассказе Бунина “Сосны” существует существенное различие, а не “поразительное сходство” (Мальцев, 1994/2: 83). Отталкиваясь от “Поездки в Полесье” при создании “Сосен”, Бунин изменяет в них соотношение человека и природы. Особенно ощутима разница между писателями в освещении темы человек и природа, когда они касаются смерти.

Цель статьи: осмысление тургеневской традиции, ее функционирования в повествовательной структуре в одном из вышеупомянутых рассказов – в “Соснах”, которые еще не становились предметом научного исследования в указанном аспекте.

Новизна статьи: в статье впервые проанализированы механизмы преобразования тургеневской традиции посредством устранения в ней чуждого для Бунина стиливого и мировоззренческого элемента.

1. Механизм преобразования тургеневской традиции рассказа “Поездка в Полесье” в рассказе Бунина “Сосны”

Известно, что писатель выделял “Поездку в Полесье” среди тургеневских произведений. В письме к М.А. Алданову от 23 августа 1951 года он сообщал, что “Отцов и детей” давно не перечитывал, но при этом выделил ряд рассказов Тургенева: “*Старые портреты*” и особенно “*Поездка в Полесье*” *чудо как хороши.*” (Бунин, 2001: 70). Высокая оценка Буниным “Поездки в Полесье” зафиксирована и в дневниковой записи от 14 марта 1940 года: “*Кончил перечитывание двух рассказов Тургенева. Мастерство изумительное, но в общем читал равнодушно – исключение некот. страницы. Кое-что (почти все, вернее) читал как новое – так забывается Тургенев. Одно “Полесье” почти все по-настоящему прекрасно. Почти во всех рассказах, – да, кажется, даже во всех, – редкое богатство совершенно своих, удивительных по меткости определений чувств и мыслей, лиц и предметов*” (Бунин, 2006/1: 326). В письме Ю.Л. Сазоновой из Парижа от 6 апреля 1953 года Бунин отметил “Поездку в Полесье” в числе немногих произведений русской классики, отличающихся ритмичностью, лиричностью, качествами, присущими и его творчеству (Бунин, 2010: 326).

Наивно полагать, что до написания “Сосен” (1901) Бунин не был знаком с этим тургеневским творением. Сам прозаик отмечал, что в отрочестве читал и произведения Тургенева (Бунин, 2004: 521). Косвенным

подтверждением знакомства Бунина с “Поездкой в Полесье” до написания “Сосен” являются некоторые параллели между этими произведениями.

Оба посвящены теме “человек и природа”, в обоих есть герои, особо близкие миру природы, Егор и Митрофан, крестьяне-охотники, большую часть жизни проводившие в лесу; в обоих творениях есть поселение, затерявшееся в лесах, у Тургенева – это “небольшое село”, дворов в двадцать, Святое, у Бунина – село Платоновка.

Бунин как бы модифицирует тургеневское Святое, внося новые черты в его описание: Платоновка уже место действия рассказа, не эпизодический элемент повествования, как у предшественника; вместо летней жизни села, бегло очерченной Тургеневым, представлена зимняя. Перекликаются и названия сел: оба таят в себе высокие смыслы. Если наименование Святое не требует комментариев, то слово Платоновка ассоциируется с именем древнегреческого философа Платона (IV в. до н.э.), зачинателя философии идеализма в европейской культуре. В контексте рассказа это название соотносится с религиозным мотивом: с переходом в иной мир усопшего Митрофана, с его покорностью, как и остальных жителей села, господней высшей воле, своей лесной судьбе. Идеально-религиозная линия рассказа подчеркнута заключительной фразой второго дня: *“И большая, остро содрогаящаяся изумрудом звезда на северо-востоке кажется звездой у божьего трона, с высоты которого господь незримо присутствует над снежной лесной страной...”* (Бунин, 2006/2: 439).

Как и рассказ Тургенева, бунинский охватывает не один день. Автор «Записок охотника» намеревался написать и третий день пребывания в Полесье, но не исполнил замысла¹. В этом плане бунинские “Сосны” как бы реализуют его: события в Платоновке охватывают три дня.

Основным образом, соединяющим рассказы, является образ соснового бора, ключевой у писателей. Стилистически наиболее близка бунинскому повествованию такая фраза из “Поездки в Полесье”: *“В бору всегда тихо; только идет там высоко над головою какой-то долгий ропот и сдержанный гул по верхушкам. Едешь, едешь, не перестает эта вечная лесная молвь...”* (Тургенев, 1980/1: 133). В рассказе Бунина “Сосны” тургеневской соответствует заключительная фраза рассказа: *“Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни...”* (Бунин, 2006/3: 440). Словно завершая повествование,

¹ “Окончательно завершен рассказ был в Дижоне (Франция) 26 февраля (10 марта) 1857 г. Начатый после этого «третий» день «Поездки в Полесье» продолжен не был” (Могилянский, 1980: 433).

автор подчеркнул ту литературную традицию, от которой он отталкивался, создавая свой художественный мир.

У Бунина (в отличие от Тургенева) сосновый бор описан не летом, а зимой, не в спокойном состоянии, а в зимнюю вьюгу: в первом дне, вечером, мы слышим грозную музыку сосен, когда по их верхушкам проносится ураганный ветер.

Несмотря на отмеченные переключки, восприятие мира природы различно у писателей.

У Тургенева сосновый бор при всем своем величии, безоговорочном превосходстве над человеком, существом единого дня, все-таки тяготит героя-рассказчика, попавшего в его недра. В рассказе читаем: *“Едешь, едешь, не перестает эта вечная лесная молвь, и начинает сердце ныть понемногу, и хочется человеку выйти поскорей на простор, на свет, хочется ему вздохнуть полной грудью – и давит его эта пахучая сырость и гниль...”* (Тургенев, 1980/2: 133). Или еще одно характерное в этом плане утверждение: *“Кругом всё было так же тихо, как и накануне, но не было давящего и теснящего душу бора”*² (Тургенев, 1980/3: 133).

Напротив, в рассказе Бунина сосновый бор и в целом леса, плотной стеной окружившие Платоновку, не вызывают у героя-рассказчика неприятия, отторжения, внутреннего неудовольствия. Сосновый бор мил герою и в сорокоградусные морозы, и в зимнюю вьюгу по вечерам, и в затишье утром и днем. Не случайно в начале “Сосен” звучит фраза с оттенком восхищения: *“Чем не сказочный бор?”* (Бунин, 2006/4: 436). Сравните с этим высказыванием характеристику бора у Тургенева: *“Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или воет глухо...”* (Тургенев, 1980/4: 130).

Безымянный герой-рассказчик³ не может только сидеть и слушать «знакомый с детства напев» зимней бури, он выходит к ней навстречу. В рассказе читаем: *“На дворе ветер рвет с меня шапку и с головы до ног осыпает меня морозным снегом. Но, ох, как хорошо поглубже вздохнуть холодным воздухом и почувствовать, как легка и тонка стала шуба, насквозь*

² Сходный эпитет – подавляющая – в характеристике Природы употреблен Тургеневым в его письме П. Виардо от 16 (28) июня 1849 года. Здесь читаем: *“Эта штука – равнодушная, повелительная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая – это жизнь, природа или бог; называйте ее как хотите, но не поклоняйтесь ей ни за ее величие, ни за ее славу!”* (Тургенев, 1988: 130). Показателен призыв Тургенева не поклоняться ей за ее величие и славу. Отношение Бунина к природе противоположно тургеневскому.

³ Тургеневский повествовательный прием: в “Поездке в Полесье” барин (он же герой-рассказчик) не имеет конкретного имени. Зато все местные крестьяне названы по именам. То же у Бунина.

пронизанная ветром!” (Бунин, 2006/5: 436). Вот такая радостная встреча с вьюгой происходит у бунинского героя, а вокруг него “гул леса вырывается из шума вьюги, как гул органа” (Бунин, 2006/6: 436).

Другое отличие писателей в изображении соснового бора проявляется в его сравнении с морем. У Тургенева такое сравнение не в пользу бора. В рассказе читаем: “Вид огромного, весь небосклон обнимающего бора, вид “Полесья” напоминает вид моря. ... Но лес однообразнее и печальнее моря, особенно сосновый лес, постоянно одинаковый и почти бесшумный. Море грозит и ласкает, оно играет всеми красками, говорит всеми голосами; оно отражает небо, от которого тоже веет вечностью, но вечностью как будто нам нечуждой...” (Тургенев, 1980/5: 130). Мы видим, что море ближе, понятнее рассказчику, чем сосновый бор: не случайно в повествовании этот бор наделен эпитетами мрачный, угрюмо, глухо. У Бунина в “Соснах” также имеется сравнение соснового бора с морем, но никакого принижения моря здесь нет. В рассказе читаем: “где-то высоко над головой тянул сдержанный, глухой и глубокий гул: так шумит под вечер в отдалении море, когда оно скрыто за горами” (Бунин, 2006/7: 440). В этой фразе оба объекта – море и бор – равновелики, имеют одинаковую ценность для героя-рассказчика: в тургеневском описании этого нет. У Бунина тождественность бора и моря очевидна и в следующей фразе: “Мачтовые сосны, высоко поднявшие на своих глинисто-красноватых голых стволах зеленые кроны, тесной дружиной окружали с трех сторон пригорок” (Бунин, 2006/8: 440). Мачтовые сосны – это те, из которых изготавливают мачты на кораблях: так в этом сочетании сопрягается в одно целое лес и море.

Писатели также по-разному освещают отношение природы к человеку: равнодушное с оттенком враждебности у Тургенева и, напротив, отсутствие враждебности у Бунина. В “Поездке в Полесье” читаем: “Как только жара «свалила», в лесу стало так быстро холодать и темнеть, что оставаться в нем уже не хотелось. «Ступайте вон, беспокойные живые», – казалось, шептал он нам угрюмо из-за каждой сосны” (Тургенев, 1980/6: 140) О взоре Изиды-Природы сказано, что он “холодный, безучастно устремленный” на человека (Тургенев, 1980/7: 130)

В рассказе Бунина, напротив, отношения между человеком и природой ровные, спокойные, товарищеские, без малейшего недовольства.

Герой-рассказчик издавна живет в этом краю и в любое время года: и в зимнюю непогоду, и в морозное солнечное затишье, и в промежуточные состояния бытия ему одинаково хорошо в недрах лесного мира.

Эта равноценность контрастных природных явления (вечерняя вьюга и тихое утро) подчеркнута тем, что в описании каждого из них просвечивает реминисценция из стихотворений А.С. Пушкина “Зимний вечер” и “Зимнее

утро” (опустим очевидные аналогии). В третий день, когда герой-рассказчик стоит на деревенском погосте перед свежей могилой Митрофана, начинает мерцать в повествовании еще один вечный для русской литературы пушкинский текст: “И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа/ Красною вечною сиять” (Пушкин, 1977: 130).

Различная трактовка темы «человек и природа» в этих рассказах объясняется тем, что соотношение составляющих ее феноменов существенно отличается в творчестве писателей.

Тургенев и в своем творчестве, и в жизни высоко ценил человеческую индивидуальность, видел в яркой, незаурядной личности могучую силу, способную преобразовать мир, вести его вперед. В “Отцах и детях” он создал Базарова, бросающего вызов самой Природе, отрицающего творца Вселенной ради построения нового мира, другой жизни, чем та, которая есть. Знаменательны его слова “Природа – не храм, а мастерская, и человек в ней работник” (Тургенев, 1981/1: 43), ставящие личность выше первоначальной природы. Не случайно критик Н.Н. Страхов назвал Базарова “титаном, восставшим против своей матери-земли” (Страхов, 1862:7) В финале романа герой покоится на заброшенном сельском кладбище, но именно тогда он приподнимается автором на высший бытийный уровень. Ведь цветы, растущие на могиле Базарова, страстного, грешного, бунтующего сердца, “не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...” (Тургенев, 1981/2:188). В последней фразе романа герой поставлен вровень с равнодушной природой, принявшей его в свое лоно, и с жизнью бесконечной. Таким аккордом, уносящим Базарова в вечность, завершается роман.

Подобный финал невозможен ни в этом, ни в других рассказах Бунина, ибо соотношение человека и природы его художественном мире иное. Как известно, человек у Бунина не возвышается над остальными явлениями природного мира, все они равнозначны, равноценны в его идейно-художественной системе; человек у Бунина всего лишь один из множества элементов природного бытия: герой базаровского типа, противостоящего силам Природы, невозможен в его художественном мире

Финал рассказа “Сосны” иллюстрирует принципиальное различие в этом плане между писателями. Его заключительная фраза по своей стилистике близка к завершающей фразе “Отцов и детей”. Фраза «Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни...» (Бунин, 2006/9: 440) соотносима с тургеневской – “... цветы, растущие на ней... не об одном вечном спокойствии говорят нам они ... они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...”

(Тургенев, 1981/3: 188). Сравните также приведенную бунинскую фразу с тургеневским выражением *“этой вечной лесной молвью”* (Тургенев, 1980/8: 133). Однако сопряжения покоящегося в могиле Митрофана (с симпатией описанного автором) с равнодушной природой в “Соснах” нет. Эти два образа разведены в бунинском повествовании (в отличие от тургеневского). Более того, умерший герой и вовсе выводится из повествования, и исчезает из него ближе к финалу. Покинув могилу Митрофана, герой-рассказчик катается в лесу на лыжах, и вскоре им овладевает другое настроение. В рассказе читаем: *“Минуты текли за минутами – я все так же равномерно и ловко совал ногами по снегу. И уже ни о чем не хотелось думать”* (Бунин, 2006/10: 440). Это новое настроение выражено и в следующей фразе: *“Тонко пахло свежим снегом и хвоей, словно было чувствовать себя близким этому снегу, лесу, зайцам, которые любят объедать молодые побеги елочек...”* (Бунин 2006/11: 440). Здесь очевиден примат природного над человеческим: герой наслаждается зимней природой, для него это высшее благо; похороны Митрофана, его могила как бы вычеркнуты из сознания героя-рассказчика. Социальная жизнь оказывается ниже природной в ценностной системе рассказа.

2. Влияние на рассказ “Сосны” тургеневских произведений “Довольно” и “Природа (сон)”

Мы полагаем, что в круг анализируемых произведений можно включить и тургеневские “Довольно” и миниатюру “Природа (сон)”. Среди множества тем в “Довольно” заявлена одна из ключевых: природы как Всеобщей матери, перед которой все равны. *“Человек дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нет предпочтений... и ей все равно: что она создает, что она разрушает – лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла прав своих...”* (Тургенев, 1981/4: 228-229) читаем в этом целом. Высказывание о всеобщем равенстве всего живого перед Матерью-Природой спустя пятнадцать лет находим в названной миниатюре.

В ней превосходство природного над человеческим очевидно. Герой испытывает благоговейный страх перед Женщиной-Природой, отдает ей *“почтительный поклон”* (Тургенев, 1982/1: 164), такое поведение невозможно со стороны Базарова, низводящего природу до мастерской. Все попытки героя отстоять первое место человека среди существ, созданных Природой, оказываются лишь иллюзией с позиции нашей общей матери. Для этой величавой женщины размышление о том, как усилить мышцы ног блохи, важнее раздумий *“о будущих ли судьбах человечества, о том... как ему дойти до возможного совершенства и счастья?”* (Тургенев, 1982/2: 164-165). Для Женщины-Природы нет никакой разницы между этими явлениями, потому что *“все твари мои дети, – промолвила она, – и я одинаково о них забочусь – и одинаково их истребляю”* (Тургенев, 1982/3: 165). Ключевым в этой фразе

являются слова все и одинаково. Идея всеобщего равенства заключена и в такой ее фразе: “Я тебе дала жизнь – я ее отниму и дам другим, червям или людям... мне всё равно...” (Тургенев, 1982/4: 165). Черви или люди, для Матери-Природы никакой разницы между ними нет. Последняя попытка человека возразить Природе “Я хотел было возражать...” (Тургенев, 1982/5: 165) соотносима с тютчевским стихом: “И ропщет мыслящий тростник” (Тютчев, 1966: 199).

Концепция всеобщего равенства в природном мире (блоха, человек, червяк и т.д.), эта общая идея тургеневской миниатюры 1879 года, на наш взгляд, станет основополагающей для творчества Бунина.

В “Соснах” и умерший Митрофан, и шумящие во время вечерней вьюги сосны, и сама вьюга, и великолепное зимнее утро, и тонкий запах снега и хвои, и зайцы, объедающие молодые побеги елочек, и сам герой-рассказчик, снующий на лыжах по ельнику (это ряд можно долго продолжать), – все это равноценные явления. Сама же смерть Митрофана – не драматический, и тем более не трагический мотив в повествовании (мы не найдем даже намека на такие мотивы), а естественное природное событие, такое же, как утро, день, вечер. В повествовании эта естественность подчеркнута “Умер, погиб, не выдержал, – значит, так надо!” (Бунин, 2006/12: 435). Так надо, иначе говоря, таково течение жизни бесконечной: крестьянин-охотник, заболев, должен был умереть. На пожелание рассказчика съездить в больницу, Митрофан снисходительно улыбаясь, отвечал: “За траву не удержишься!” (Бунин, 2006/13: 435), понимая, что непременно умрет, и относясь к этому совершенно спокойно. Такое его поведение за месяц с небольшим до кончины напоминает поведение мудреца в стихотворении Г.Р. Державина “Аристиппова баня”: “И смерть, как гостью, ожидает, / Крутя, задумавшись, усы” (Державин, 1957: 352).

Митрофан по-своему мудр, и, подобно идеальному герою державинского стихотворения, у него есть своя маленькая философия. “Видно, живи как батрак: исполняй, что приказано – и шабаш” (Бунин, 2006/14: 435). И рассказчик подхватывает речь героя: “И Митрофан действительно прожил всю свою жизнь так, как будто был в батраках у жизни” (Бунин, 2006/15: 435).

В отличие от героев Тургенева, в частности, барина из “Поездки в Полесье” и героя из “Природы”, Митрофан это не ропщущий тростник, он считает свою близкую кончину будничным, рядовым явлением жизни бесконечной, которое случалось неисчислимое множество раз и до него. И никакого протеста (пользуясь еще одним тютчевским словом из вышеупомянутого стихотворения “Певучесть есть в морских волнах...”) даже в преддверии смерти не изъявляет Митрофан. Соотношение человека и природы в “Соснах” вызывают в памяти тютчевские стихи “Невозмутимый

строй во всем, / Созвучье полное в природе...” (Гютчев, 1987: 220). Бунинский крестьянин-охотник полностью созвучен Матери-Природе, как и Егор из “Поездки в Полесье”, являющийся его прототипом. Как и Егор, Митрофан не умеет жаловаться. Само имя бунинского мужика не случайно, оно гармонично повествованию “Сосен”. Один из вариантов перевода имени Митрофан с греческого языка таков: подобный матери. Бунинский герой и в самом деле подобен Матери-Природе всем строем своей жизни, он как бы явил ее в себе образом своего существования.

3. Тургеневская традиция и автотрадиция в рассказе Бунина “Сны Чанга”: конкретно-стилевая связь по линии равноценности всего живого в творчестве Тургенева и Бунина

Равноценность всех элементов “жизни бесконечной”, наблюдаемая в “Соснах”, позже, в рассказе “Сны Чанга”, станет своего рода манифестом автора. Рассказ начинается с фразы, отражающей мировоззренческую позицию писателя: *“Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле”* (Бунин, 2006/16: 49). Слово говорить в этой фразе напомнит финал “Отцов и детей”, где дважды дана его формы говорят: *“не об одном вечном спокойствии говорят нам они ... они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...”* (Тургенев, 1981/5: 188). В обоих произведениях слово говорить (и его форма говорят) соотносено с образом жизни бесконечной, который у Тургенева завершает произведение, у Бунина начинает его. Вместе с тем бунинское выражение не все ли равно в сопряжении с миром Природы имеет свой аналог в тургеневских “Довольно” и “Природа”: *“...и ей все равно: что она создает, что она разрушает...”* (Тургенев, 1981/6: 229) и *“Я тебе дала жизнь — я ее отниму и дам другим, червям или людям... мне всё равно...”* (Тургенев, 1982/6: 165).

В бунинском рассказе мир показан через сознание китайской собаки Чанг: через ее сны рассказана история жизни хозяина-капитана и самой собаки, изображены мысли, думы, чувства верного друга. Несмотря на различие художественных миров “Сосен” и “Снов Чанга”, они обнаруживают конкретно-стилевую связь именно по линии равноценности всего живого в творчестве Бунина. В “Соснах” есть описание спящих в сенцах усадебных собак: *“непритворенная дверь в сенцах с необыкновенной силой бьет в стену, а собаки, которые лежат в них, утопая в снегу, как в пуховых постелях, жалобно взвизгивают сквозь сон, дрожа крупной дрожью”* (Бунин, 2006/1: 433). Спустя годы этот периферийный образ станет основополагающим в рассказе 1916 года: сны спящих в снегу собак трансформируются в сны Чанга (промежуточным здесь явится образ собаки из одноименного стихотворения от 4 августа 1909 года “Мечтай, мечтай. Всё уже и тусклей...”).

Акключение / Sonuç

Итак, анализ тургеневской традиции в “Соснах” позволили увидеть существенное различие, а не “поразительное сходство” (Мальцев, 1994/3: 83) между писателями в освещении темы человек и природа.

Отталкиваясь от “Поездки в Полесье” при создании “Сосен”, Бунин изменяет в них соотношение человека и природы: бунинский герой-рассказчик (в отличие от тургеневского) принимает всё в перводанном бытии, оценивает его исключительно позитивно, находит удовольствие и радость в общении с ним, отношения между человеком и природой гармоничны.

Особенно ощутима разница между писателями в освещении темы человек и природа, когда они касаются смерти.

У Бунина смерть человека (Митрофана) описана спокойно, буднично, безо всякой эмоциональной окрашенности, изображена как один из процессов «жизни бесконечной», подобного утру, дню, зимней вьюге и т.д. Напротив, у Тургенева смерть предстает как нечто страшное, грозное, мистическое для человека: “Я снова, почти со страхом, опустил голову; точно я заглянул куда-то, куда не следует заглядывать человеку...” (Тургенев, 1980/9: 138).

Принципиальная разница между писателями в изображении указанной темы связана с тем, что личность в контексте природы возвышена Тургеневым, а в творчестве Бунина представлена как один из ее бесчисленных элементов.

Такое возвышение у Тургенева явлено в образе Рудина. В концовке речи в салоне Ласунской он заявляет: “Точно, наша жизнь быстра и ничтожна; но всё великое совершается через людей. Сознание быть орудием тех высших сил должно заменить человеку все другие радости: в самой смерти найдет он свою жизнь, свое гнездо...” (Тургенев, 1980/10: 231). Базарову и этого уже мало: он бросает вызов этим высшим силам в “Отцах и детях”, он уже не желает быть только их орудием.

Значимость человеческого я на фоне Матери-Природы в “Поездке в Полесье” проявляется в воспоминаниях героя-рассказчика от самого детства до дня нынешнего: жизнь природная и жизнь человеческая в этой зоне рассказа существуют независимо друг от друга, никак не соприкасаясь, как два изолированных друг от друга мира. В “Соснах” невозможна такая отстраненная от природного мира внутренняя рефлексия героя-рассказчика, всегда обращенная к природе или к человеку (людям), близкому к ней.

Включение в сопоставительный ряд (наряду с “Поездкой в Полесье” и “Соснами”) рассказа “Довольно” и миниатюры “Природа (сон)” позволяет выявить эволюцию соотношения человека и природы в творчестве Тургенева.

В этой миниатюре личный элемент, противостоящий природе, мал, хотя и есть. Ключевой же идеей целого является идея равенства всего живого на земле, которого нет в “Поездке в Полесье”. В этом плане тургеневская миниатюра 1879 года не что иное, как промежуточное звено между “Поездкой в Полесье” и “Соснами” Бунина. Личное начало, противостоящее природному миру (образ соснового бора) в рассказе 1857 года, заметно ослабевает в рассказе “Довольно” и почти не ощутимо в “Природе (сон)”, и наконец, в бунинских “Соснах” это начало совершенно сходит на нет.

Сопоставительный анализ указанных произведений позволил выявить механизм преобразования тургеневской традиции посредством устранения в ней чуждых для Бунина стилевых и мировоззренческих элементов.

Анализ рассказа

“Довольно” и миниатюры “Природа (Сон)” Тургенева позволили обнаружить преемственную связь между поздним Тургеневым и бунинскими “Соснами”, а также дотянуть нити тургеневской традиции до рассказа “Сны Чанга”.

Библиография / Каунакça

Державин, Гаврил Романович. (1957). *Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель.

Бунин, Иван Алексеевич. (2001). *Pro et contra личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей антология*. С.Петербург: Русского Христианского Гуманитарного Института.

Бунин, Иван Алексеевич. (2004). *новые материалы. выпуск I*. Москва: Русский путь.

Бунин, Иван Алексеевич. (2006/1). *Сосны. полное собрание сочинений в 13 томах том 1*. Москва: Воскресенье.

Бунин, Иван Алексеевич. (2006/2). *Сны чанга. полное собрание сочинений в 13 томах том 4*. Москва: Воскресенье.

Бунин, Иван Алексеевич. (2006/3). *Дневники 1881-1953 гг. полное собрание сочинений в 13 томах том 9*. Москва: Воскресенье.

Бунин, Иван Алексеевич. (2010). *Новые материалы. выпуск II*. Москва: Русский путь.

Мальцев, Юрий; Бунин, Иван Алексеевич. (1994). *Франкфурт-на-майне*. Москва: Посев.

Могиланский, Александр Петрович; Тургенев, Иван Сергеевич. (1980). *Комментарии. полное собрание сочинений и писем в 30 томах сочинение том 5*. Москва: Наука.

Пушкин, Александр Сергеевич. (1977). *Брожу ли я вдоль улиц шумных. полное собрание сочинений в 10 томах том 3*. Москва: Художественной литературы.

Страхов, Николай Николаевич; Тургенев, Иван Сергеевич. (1862). *Отцы и дети. Русский вестник*, номер 2. (Erişim Tarihi: 11.08.2020). http://dugward.ru/library/turgenev/strahov_turg_otcy.html.

Тургенев, Иван Сергеевич. (1980/1). *Поездка в полесье. полное собрание сочинений и писем в 30 томах сочинение том 5*. Москва: Наука.

Тургенев, Иван Сергеевич. (1980/2). *Рудин. полное собрание сочинений и писем в 30 томах сочинение том 5.* Москва: Наука.

Тургенев, Иван Сергеевич. (1981/1). *Довольно. полное собрание сочинений и писем в 30 томах сочинение том 7.* Москва: Наука.

Тургенев, Иван Сергеевич. (1981/2). *Отцы и дети. полное собрание сочинений и писем в 30 томах сочинение том 7.* Москва: Наука.

Тургенев, Иван Сергеевич. (1982). *Природа. полное собрание сочинений и писем в 30 томах сочинение том 10.* Москва: Наука.

Тургенев, Иван Сергеевич. (1988). *Полное собрание сочинений и писем в 30 томах сочинение том 5.* Москва: Наука.

Тютчев, Фёдор Иванович. (1966). *Певучесть есть в морских волнах. лирика В 2 томах том 1.* Москва: Наука.

Тютчев, Фёдор Иванович. (1987). *Певучесть есть в морских волнах. полное собрание стихотворений.* Ленинград: Советский писатель.